

УДК 340.132

САНКЦИЯ НОРМЫ ПРАВА В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ АССОЦИАЦИЙ

А.В. Краснов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Негосударственного образовательного учреждения «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Анализ санкции правовой нормы как ее структурного элемента, а также тех мер, которые заложены в последнем и применяются при совершении правонарушения, всегда находится в центре внимания многих ученых-правоведов, причем как представителей теории государства и права, так и отраслевых наук. Санкция выражает многие существенные признаки нормы права, в частности, такие, как общеобязательность, обеспеченность, формальная определенность.

Не ставя задачу в рамках настоящего исследования дать точное определение санкции нормы права, отметим, что санкция традиционно трактовалась через негативные правовые последствия, а именно «принуждение»; при этом может говориться о мерах государственного принуждения, применяемых при нарушении предписания, содержащегося в норме права; либо санкция определяется как закрепленные в нормах права предписания о мерах принуждения за неисполнение обязанностей и в целях защиты прав других лиц¹ и т.д.

Кроме того, можно встретить взгляды на правовую санкцию как на неблагоприятные правовые последствия², невыгодные последствия³. Отмечается также, что санкция есть последствия нарушения нормы, возникающие без участия государственного органа, и те, которые наступают только при таком участии на основе государственного принуждения. Обязательность и при-

нудительность — не одно и то же. Санкция — не указание на меры принуждения, а указание на юридические последствия правонарушения⁴.

На наш взгляд, ближе к истине те ученые, которые говорят о том, что правовые санкции направлены на обеспечение исполнения правовых норм⁵.

В рамках данной статьи мы ставим задачу показать роль санкции в системе нормативных ассоциаций, которые образуются из правовых норм, связанных предметно и функционально. Именно санкция, на наш взгляд, может выступать одним из тех элементов нормы, которые способны «сцеплять» последние между собой.

Структура нормы права предопределяется многими факторами, в том числе общей целью, которая ставится перед правом, а именно упорядочением общественных отношений. С точки зрения информационно-мотивационного подхода, можно также присовокупить к этому утверждению, что целью права является закрепление условий, при которых возможно беспрепятственное удовлетворение интересов субъектов права⁶. Именно поэтому мы можем говорить о том, что право в целом, его система выступают не как совокупность разрозненных предписаний, правил поведения, а как системное целое, организм. Совершенно очевидным выглядит подход к системе права как к высокоорганизованной и живой нормативной системе, где ее структур-

ные элементы следует рассматривать во всем многообразии связей, перемене ролей в зависимости от сложившейся ситуации, этапа реализации норм. Система права не является чем-то косным и застывшим. По мере того, как те или иные нормы регулируют общественные отношения, как разворачивается процесс правореализации, к регулируемому воздействию подключаются все новые нормы, причем к элементам одних норм «подключены» в данный момент элементы совершенно других норм, которые, однако, находятся в едином конгломерате с предшествующими по реализации нормами.

Соединение, «сцепление» норм права может происходить различными путями. Так, особый пласт исследования в интересующем нас плане представляют нормы общего и специального характера. В указанном случае, при взаимодействии указанных норм, их структуру можно рассматривать двояко: с одной стороны, можно доказывать, что общая норма является не нормой, а нормативным предписанием, частью другой нормы, которая устанавливает непосредственное правило поведения. Скажем, в Уголовном кодексе РФ⁷ есть статьи, устанавливающие возраст, при котором наступает уголовная ответственность, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность и пр. Можно утверждать, что это часть, гипотеза или фрагмент диспозиции норм специальной части УК РФ или норм логических, основываясь на концепции так называемых норм-предписаний и логических норм⁸. В развитие этого подхода применительно к нормам уголовного права, например, утверждается, что норма уголовного права должна пониматься в двух аспектах — как норма-предписание (норма уголовного права в узком смысле) и как реальная норма (норма уголовного права в широком смысле). Первое — элементарное, логически завершенное государственно-властное положение, находящее непосредственное выражение в тексте УК, а норма уголовного права в широком смысле —

установленное государством, формально определенное правило наиболее целесообразного регулирования уголовно-правовых отношений, воплощающее органические связи между нормами уголовного права в узком смысле⁹.

С другой стороны, можно подойти к структуре предписаний несколько иначе, доказывая самостоятельность норм общего характера, или, точнее говоря, неких отправных начал¹⁰. На наш взгляд, очевидно, что обе точки зрения по-своему имеют право на существование и по большому счету не противоречат друг другу. Просто мы имеем дело с подходами, разработанными с разных позиций. Исследователи меняют ракурс и в итоге результат может выглядеть иным. Действительно, если исходить из теории норм-предписаний и логических норм, то норма из двух возможных элементов имеет право называться нормой. Если же основываться исключительно на трехэлементной теории, то может оказаться, что норма «разбросана» сразу по нескольким статьям одного или нескольких нормативных актов. Однако в любом случае мы имеем дело с нормативной ассоциацией, когда гипотезы или (и) диспозиции норм, которые претендуют на самостоятельность, слиты в единую нормативную ассоциацию.

Очень многие нормативные ассоциации рождаются и путем «сцепления» элементов, нормативных предписаний «через» санкцию правовой нормы. Более того, именно такие нормативные ассоциации носят весьма разветвленный характер. Сказанное связано, прежде всего, с проблематикой координации между нормами материального и процессуального права.

Во всех концепциях, посвященных соотношению материального и процессуального права, обращается внимание прежде всего на традиционные связи между процессуальными образованиями и соответствующими материальными отраслями права¹¹. Говорится, что задача любого процесса — обеспечить

прежде всего нормальное функционирование материально-правовых норм¹².

Таким образом, распространено мнение, что процесс носит вспомогательный характер по отношению к отраслям материального права. Однако, по нашему мнению, не следует рассматривать процессуальные отрасли как нечто совершенно оторванное от норм материального права. Ведь именно здесь прослеживается максимальная связка, сцепка норм в ассоциации. Нужно учитывать, что нормы уголовного и гражданского права, хоть они и первичны по отношению к процессу, тем не менее не могут быть реализованы без соответствующих уголовно- и гражданско-процессуальных предписаний. Нормы процессуальной направленности оживляют санкции материальных норм, превращают их свойства – принудительность, формальную определенность и пр. – в реальную силу. Не зря ученые отмечают, что санкция нормы права, к примеру, уголовного, является диспозицией для тех компетентных субъектов, которые призваны проводить расследование и затем выносить приговор по уголовному делу¹³. Аналогичные позиции по поводу «перерастания» одних элементов нормы права в другие можно найти и у других ученых¹⁴. Кроме того, возможно, что та часть нормы, которая выступает как санкция для данного органа (к примеру, возможность отмены решения при существенном нарушении судом норм материального или процессуального права), будет диспозицией для вышестоящего органа, проверяющего законность и обоснованность решения нижестоящего. В итоге имеет место своего рода цепочка, в которой диспозиция одной нормы становится санкцией в рамках другой нормы и так далее. Как нам кажется, данная ситуация отражает глубинные свойства права, в частности, его нормативность и системность, которые предполагают разнопорядковые и разноплоскостные связи между нормами права. Более того, выделение так называемых целостных норм применительно к конкретному

правоотношению, как правило, имеет в основном сугубо теоретический интерес. Кроме того, как для теоретика, так и для практика важным является использование диалектического подхода, учитывающего связи между нормами и их элементами.

Возвращаясь к проблеме сочетания материальных и процессуальных норм, отметим, что, к сожалению, не все авторы на сегодняшний день выходят за рамки узкоотраслевого ракурса рассмотрения проблем. Так, отмечается, что гражданская процессуальная норма выступает как первичный элемент системы предписаний, направленных на обеспечение гарантированной (правильной и своевременной) от имени государства защиты судом нарушенных или оспариваемых гражданских прав, свобод и законных интересов, занимая в ней специфическое (индивидуальное) место, характеризующееся включенностью в нее¹⁵. Как нам кажется, вряд ли можно рассматривать гражданско-процессуальную норму в целом как основной элемент в системе гарантий. Такого рода основной элемент выделить трудно, ибо те возможности, которые установлены в материально-правовых нормах (санкции в различном виде, иные обеспечительные механизмы), нельзя рассматривать как нечто вторичное по отношению к процессуальной норме в системе мер защиты. В то же время следует согласиться с необходимостью выделения системы гарантий и защиты, что также, по нашему мнению, является иллюстрацией нормативной ассоциативности, то есть построения системы на разных уровнях структуры через конгломераты взаимосвязанных и взаимозависимых норм права.

«Сцепление» норм посредством ее элементов ярко проявляется в проблематике запретов. Последние, как в свое время отмечал С.С. Алексеев, могут существовать в виде общих запретов, выраженных в системе норм, в том числе управомочивающих, охранительных; при этом запреты, по его мнению, выступают как правовые

явления, близкие, или даже тождественные правовым принципам¹⁶. В любом случае наличие запрета выводит, по нашему мнению, данную норму на многочисленные связи с нормами, которые устанавливаются, с одной стороны, дозволения, а с другой — последствия нарушения запретов, то есть исследуемые нами санкции.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на утверждение, согласно которому «...в структуре позитивного права могут востребоваться самые различные дивизионы, объединяющие правовые нормы, группированные отнюдь не по одному заранее определенному теории права признаку. Иначе говоря, современное позитивное право не может и не должно исчерпываться какой-то одной достаточно примитивной линейной структурой, построенной в соответствии с родовой или видовой спецификой общественных отношений. Современное позитивное право в ответ на усложнение многих сфер социально-экономической жизни само должно структурироваться как сложное и многомерное явление — не только в одной или в двух плоскостях, например по вертикали или горизонтали, но и в других, образно говоря, пространственных измерениях... Во внешней форме выражения и внутренней структуре позитивного права не существует какой-либо непререкаемой объективной обусловленности, выявление которой составляет единственный смысл существования юридической науки»¹⁷.

По нашему мнению, на данном этапе развития правовой системы и юридической науки, несколько иначе преломляя практику и имеющиеся к этому времени концептуальные научные разработки, наука все более должна учитывать многообразие, неоднозначность связей между элементами системы. В самом деле, становится очевидным, что устоявшиеся модели структуры, ее элементов зачастую выглядят как идеальные модели. Ни в коем случае не отрицая необходимости в созда-

нии такого рода моделей, отметим, что право все более и более необходимо рассматривать как сложноорганизованную систему, в рамках которой элементы перемещаются, проявляют свои свойства по-разному, в зависимости от конкретных форм взаимодействия. Напрашивается аналогия из естественных наук, где структура сложных соединений настолько разветвлена, в связях участвует такое число элементов, что выделение целостной молекулы, к примеру, предстает лишь как создание идеальной конструкции. Из физики нам известно, что многие расчеты для простоты могут производиться на основе идеального допущения, когда ряд связей системы не учитывается. То же самое вполне может быть отнесено и к правовой материи, где действительно могут выделяться совершенно различные группировки первоначальных, атомарных «строительных материалов». Именно это обстоятельство, как нам кажется, лежит в основе появления многочисленных и разнохарактерных теорий, каждая из которых по-своему пытается объяснить внутреннее устройство структуры правовой нормы и системы права в целом.

Идея о выделении нормативных ассоциаций как действенного конгломерата норм, направленных на регулирование правоотношения в развитии, связана также и с проблематикой выделения так называемых комплексных отраслей права. Данная точка зрения выдвинута давно¹⁸, однако до сих пор этот подход остается дискуссионным.

В то же время в науке справедливо отмечается, что нужно говорить не о комплексных отраслях права, а о комплексных отраслях законодательства, и комплексных институтах права¹⁹. Действительно, специализация, которая имеет место быть в современной системе права, приводит к появлению институтов, которые не могут быть отнесены только к какой-либо одной отрасли права. В качестве примера можно привести хотя бы институт опеки и попечи-

тельства, государственной регистрации недвижимости. Кроме того, в новейших исследованиях, например, в качестве комплексного института, включающего нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, административного права, называется институт амнистии и помилования²⁰. С нашей точки зрения, такого рода явления связаны с единением, все более выраженным взаимодействием разнохарактерных и разнопорядковых норм в ассоциации, что и приводит в ряде случаев к некоему размыванию отраслей права, институты которых находят такие связи с нормами других институтов, что могут потерять свою отраслевую идентичность.

Проблематику так называемых комплексных отраслей права не стоит путать с вопросами комплексного использования, сочетания норм при регулировании каких-либо отношений. Так, А.А. Иванов справедливо отмечает, что в гражданском праве используется общедозволительный принцип регулирования, который применительно к праву собственности означает, что собственникам дозволено делать все, кроме того, что прямо запрещено законом²¹. Однако очевидно, что закон может иметь не только гражданско-правовой характер. В середине XX в. стала использоваться концепция комплексной защиты права собственности (последнее защищается нормами нескольких отраслей права). Возражая сторонникам данной идеи, автор отмечает, что основой для выделения любого института служит субъективное право, которое должно быть однородным, иначе будут нарушены принципы построения системы права. Природа права собственности носит

частно-правовой характер, публичные же отрасли права закрепляют публичные ограничения права собственности, устанавливают меры ответственности за посягательство на право собственности. Соответственно следует выделять институт права собственности, институт административных ограничений права собственности, институт уголовной ответственности за преступления против права собственности²².

Как нам кажется, подобного рода утверждения направлены на то, чтобы найти границы, некие «заборы» там, где их нет, либо где нормы связаны в цепочку, где каждая из норм так же необходима, как и предыдущая. Например, будут ли достигать поставленных целей нормы, включенные в частно-правовой институт права собственности, если будет отсутствовать институт уголовной ответственности за преступления против частной собственности, а также публично-правовых норм, сдерживающих монополистов? Так что ассоциативная нормативность права — не какая-то теоретическая выдумка, а насущная потребность времени.

Мы ни в коем случае не призываем к тому, чтобы ликвидировать сложившуюся концепцию системы права, основанную на выделении отраслей и институтов, однако обращаем пристальное внимание на то, что связи внутри нее носят не только и не столько исключительно вертикально-иерархический характер, но и отличаются скоординированностью, что происходит и на уровне отдельных норм, благодаря «сцепке» через элементы нормы права, где достаточно яркую роль, как мы убедились, играют санкции норм права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права / С.С. Алексеев. — М., Юридическая литература, 1981-1982. — Т. 1. — С. 268; Т. 2. — С. 57; *Серегина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1991. — С. 23-38, *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. / под ред. проф. Томсинова В.А. / О.Э. Лейст. — М.: Зерцало, 2008. — С. 70-78; *Коваленко А.И.* Общая теория государства и права: учебное пособие / А.И. Коваленко. — М.:

ТЕИС, 1996. – С. 110; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. – Т. 2. Теория права. – М.: Зерцало, 1998. – С. 224 и др.

² См.: *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 148; Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 361.

³ См.: *Пиголкин А.С.* Нормы советского права и их толкование: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А.С. Пиголкин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 6; *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – С. 29, 79.

⁴ См.: *Курьлев С.В.* Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 48-49.

⁵ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. – С. 233; *Кулапов В.Л., Сенякин И.Н.* Теория государства и права: учебно-метод. пособие / В.Л. Кулапов, И.Н. Сенякин – Саратов: СГАП, 1998. – С. 73; *Сатина Э.А.* Основные аспекты правового санкционирования: дис. ... канд. юр. наук / Э.А. Сатина. – Тамбов, 2001. – С. 100-101 и др.

⁶ См.: *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – М.: Юрист, 2005. – С. 11-25.

⁷ Уголовный кодекс РФ. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 08.04.2008 № 43-ФЗ). Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2008 – № 15. – Ст. 1444.

⁸ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. – Т.2. – С. 39-43, 53-60.

⁹ См.: *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юр. наук / М.А. Тулиглович. – Омск, 2006. – С. 9-10.

¹⁰ См.: *Люблинский П.И.* Техника толкования и казуистика Уголовного кодекса: пособие к практическим занятиям по уголовному праву. – Пг., 1917. – С. 31 // Цит. по: Тулиглович М.А. Указ. соч. – С. 40.

¹¹ См.: *Кострова Н.М.* Процессуальные нормы в структуре советского права // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 43-45.

¹² См.: *Салищева Н.Г., Васильева Г.В.* Развитие законодательства об административной ответственности // Правоведение. – 1981. – № 3. – С. 11.

¹³ См., например: *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. проф. В.А. Томсинова / О.Э. Лейст. – М.: Зерцало, 2008. – С. 66-67.

¹⁴ См.: *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 45-46; *Малыхин Д.В.* Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Д.В. Малыхин. – Саратов, 2005. – С. 16.

¹⁵ См.: *Малыхин Д.В.* Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Д.В. Малыхин. – Саратов, 2005. – С. 12.

¹⁶ См.: *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 44-45.

¹⁷ *Маврин С.П.* О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 205-216.

¹⁸ См.: *Райхер В.К.* О системе права // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 60-70; *Строгович М.С.* Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. – 1979. – № 12. – С. 58; *Мельников А.А.* Конституция СССР и проблема судебного права // Правоведение. – 1979. – № 6. – С. 43.

¹⁹ См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография / М.И. Байтин. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – С. 296-304.

²⁰ См.: *Левашова О.В.* Амнистия и помилование как поощрительные нормы уголовного права России: автореф. дис. ... канд. юр. наук / О.В. Левашова. – Тамбов, 2007. – С. 9.

²¹ См.: *Иванов А.А.* Правовые средства защиты права частной собственности // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 71-86.

²² Там же.

Аннотация

Статья посвящена исследованию места и роли санкций норм права в системе нормативных ассоциаций, образуемых нормами права во взаимодействии при регулировании одних и тех же, а также смежных общественных отношений.

Ключевые слова: санкция; норма права; правонарушение; нормативные ассоциации; структура нормы права; отрасли права.

Summary

The article is devoted to the investigation of the place and role of sanctions of legal propositions in the system of normative associations made of legal propositions in the interaction at regulation of one and the same and adjacent social relations.